

Октябрьская революция 1917 г. в интерпретации лидеров политических партий меньшевиков и эсеров (Ю. О. Мартов, В. М. Чернов)

Аннотация. В статье освещаются взгляды Ю. О. Мартова и В. М. Чернова на Октябрьскую революцию 1917 г. и ключевые аспекты жизни советского общества в послеоктябрьский период. Рассматриваются их представления об условиях успешного социалистического строительства. Приводятся оценки характера и движущих сил Октябрьской революции, особенностей завоевания и сохранения большевиками власти. Анализируются позиции Ю. О. Мартова и В. М. Чернова по поводу политической и экономической систем, созданных большевиками. В статье нашли отражение доктринальные и тактические ориентиры деятельности лидеров меньшевиков и эсеров на различных этапах жизни страны. В основе статьи – произведения Ю. О. Мартова и В. М. Чернова, дающие богатый материал для характеристики теоретического наследия видных деятелей социалистических партий.

Ключевые слова: В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, В. М. Чернов, Октябрьская революция, социализм, политическая система, террор, экономический строй, новая экономическая политика, «конструктивный социализм».

Review. This article focuses on the views of Y. O. Martov and V. M. Chernov regarding the October revolution of 1917 and the key aspects in the life of Soviet society in the post-October period. The author reviews their ideas concerning the necessary conditions for a successful construction of socialism. The author as well presents their evaluation of the nature and of the moving forces of the October revolution, the particularities of the Bolsheviks' seizure and keeping of power. The positions of Y. O. Martov and V. M. Chernov dealing with the political and economic systems created by the Bolsheviks are also discussed. The article includes the doctrinal and tactical guidelines of the Menshevik and SR party leaders' activities at various stages of the country's life. The basis for this study is the works of Y. O. Martov and V. M. Chernov which provide rich material for the description of the theoretical heritage of the major leaders of socialist parties.

Key words: economic structure, terror, political system, socialism, October revolution, V. M. Chernov, Y. O. Martov, V. I. Lenin, new economic policy, "constructive socialism".

В отечественной и зарубежной историографии значительное место занимает проблема идейно-политического наследия представителей различных политических партий России. В центре внимания автора данной статьи – взгляды лидеров социалистических партий нашей страны на Октябрьскую революцию 1917 г.

Лидер меньшевистской партии Ю. О. Мартов и лидер партии эсеров В. М. Чернов излагали свое понимание российского революционного процесса, особенностей теории и послеоктябрьской практики большевиков, обозначали собственное понимание перспектив развития страны.

Несмотря на немалые успехи исследователей в этой области [1, 2, 4, 5, 8, 9, 14, 15, 17, 18,

19, 20, 22; 3, 6, 7, 13, 21, 26], интерес общества к политическим деятелям, предлагавшим в свое время альтернативные большевизму пути развития страны, а также появление новых источников, уроки истории, отсутствие идеологической ангажированности актуализируют задачу дальнейшего научного осмысления идейно-политических взглядов крупнейших теоретиков политических партий.

Лидер российской социал-демократической партии, представитель левого течения в меньшевизме Ю. О. Мартов не принял Октябрьскую революцию. В 1919 г. он писал: «В качестве марксистской рабочей партии РСДРП отнеслась отрицательно к перевороту 25 октября. Наша марксистская программа считала единственным путем, ведущим действительно к социализму, –

путь утверждения последовательной демократии...» [11, 386].

Мартов неоднократно обращался к вопросу о характере Октябрьской революции. Он рассматривал Октябрьскую революцию как этап буржуазной в своей основе революции, несмотря на выдвинутые ею лозунги коммунизма и диктатуры пролетариата [11, 498]. Мартов признавал, что Февральская революция вышла за рамки буржуазно-демократической революции, что свержение самодержавия совершалось «под знаком политической гегемонии пролетариата крупной промышленности». Это определяло стремление революции выйти за рамки буржуазно-демократической революции и вслед за устранением феодальной собственности перейти к низвержению капиталистической собственности. Однако отстранение буржуазии от государственной власти, нацеленность пролетариата и крестьянства на осуществление социалистических преобразований на такой стадии хозяйственного развития, когда для подобного преобразования не было ни технических, ни экономических, ни социальных предпосылок, являлось утопией. Мартов утверждал, что установление коммунистической диктатуры без соответствующего состояния производительных сил не является признаком социалистической революции.

Вместе с тем Мартов признавал неизбежность октябрьских событий, выступал против утверждений об узурпировании большевиками власти, писал о широком участии масс в революции. Мартов считал, что приход большевиков к власти был логичным итогом политического развития страны. 19 ноября 1917 г. он писал П. Б. Аксельроду, что «переворот был подготовлен, как теперь очевидно, всей предыдущей эволюцией» [11, 557]. Он стал ответом на контрреволюционную деятельность буржуазных партий и политиков, неуверенные действия Временного правительства, его неспособность решить настоящие проблемы развития страны.

Мартов излагал свою точку зрения на процесс формирования социальной базы революции. Значительное внимание при этом он уделял социально-психологическим аспектам в формировании революционного настроения масс [11, 396–409]. Огромную роль в воспитании революционного сознания сыграла война. В годы войны, писал он, значительно изменились социальная структура и психология рабочего класса, его положение в общественном производстве.

Уход квалифицированных рабочих на фронт приводил к снижению классового сознания пролетариата. Рабочий класс в значительной степени деклассировался, утрачивая классовые традиции, профессиональные навыки. На этой базе в пролетарской среде стали доминировать настроения и психология люмпенизированных слоев, возобладали примитивные формы политического сознания, склонность к стихийному возмущению, к экстремизму. В армии и тылу стала преобладать «траншейная психология». Перевод экономики страны на военные рельсы привел к тому, что основные трудовые усилия стали затрачиваться на производство средств разрушения. Такой труд не мог способствовать выработке в трудящихся массах того сознания незаменимости их труда для существования общества, которое составляет существенный элемент в пролетарской классовой психологии [11, 397]. Все это создавало благоприятную почву для восприятия простых, крайне радикальных лозунгов большевиков.

Революция 1917 г. благодаря войне привела многомиллионное крестьянство к острому столкновению с буржуазией, создала почву для подчинения крестьян политическому руководству пролетариата, принятия программных лозунгов большевиков.

Мартов делал вывод, что победа большевиков в 1917 г. – не «казус», не случайность, не «вывих» истории, как считали некоторые противники большевизма, а закономерное явление, связанное прежде всего с состоянием народных масс в годы мировой войны и общенационального кризиса.

Мартов возражал своим оппонентам, утверждавшим, что большевики не имели глубоких корней в массах. В обоснование своей позиции он приводил конкретный материал – войска активно поддержали большевиков, оставив без поддержки Керенского; в ряде городов гарнизоны немедленно признали «советское правительство» и защищали его с оружием в руках; солдатские массы не хотели выступать против правительства, которое осуществит программу мира [11, 560]. Мартов доказывал, что политическая победа большевиков была обеспечена не только поддержкой люмпенизированных слоев пролетариата, но и значительной частью рабочего класса. В конце декабря 1917 г. Мартов подтвердил свой прежний вывод: «...мы за преторьянско-люмпенской стороной большевизма не игнорируем его корни в русском пролетариате».

ате...» [11, 573]. Мартов возражал тем противникам Октябрьской революции, которые считали, что большевики долго не продержатся у власти: «...я не думаю, чтоб ленинская диктатура была обречена на гибель уже в скором времени» (декабрь 1917); «...большевистская диктатура не удержалась бы, – несмотря на помощь, оказываемую ей Антантой, генералами и кадетами, – если бы она не выражала собой определенной стихии в самом активном классе русского народа – в городском и, частью, сельском пролетариате» (февраль 1922) [11, 477–478].

В феврале 1922 г. Мартов, обратившись к событиям 1917–1920 гг. в России, отмечал, что большевистская диктатура как средство немедленного устранения социального неравенства и введения социализма принималась широкими слоями русского пролетариата. Для них она являлась их собственной диктатурой в том смысле, что они веряли большевикам задачу установления коммунистического строя, к которой сами не знали, как подступиться. Он делал вывод, что большевистская диктатура в 1917–1920 гг. выражала социально-утопические чаяния значительной части пролетариата. В этом обстоятельстве она черпала свою моральную силу, без которой не могла бы организовать ни Красной армии, ни аппарата управления, ни даже того жалкого хозяйства, которое сложилось на развалинах капиталистического [11, 478].

Мартов признавал, что революционная диктатура, т. е. концентрация всей государственной власти в руках правительства в годы гражданской войны, была оправданна. Она определялась необходимостью защищать революционные завоевания большевиков против вооруженных сил внутренней и внешней контрреволюции.

Вместе с тем Мартов постоянно подчеркивал, что замысел большевиков привести Россию к социализму в имеющихся конкретно-исторических условиях – «бессмысленная утопия».

Он критиковал лидеров большевиков, которые, по его словам, уверовали «в то, что стоит, опираясь на внезапно подымающуюся стихию, захватить власть в государстве и всеми силами государственного принуждения удержать ее в руках – и дело социальной революции будет сделано...» [11, 446]. Мартов выделяет факторы, которые необходимо учитывать, ориентируясь на социалистическую революцию: степень экономической зрелости страны; соотношение сил различных классов в стране; мировую эко-

номическую конъюнктуру в данный момент. Он акцентирует внимание на том, что большевистская партия «завоевала государственную власть в стране с ничтожным численно пролетариатом, с ничтожной производительностью труда, с отсутствием основных экономических и культурных предпосылок для организации социалистического производства...» [11, 451]. В этих объективных условиях, продолжает он, большевики встречают непреодолимое препятствие для осуществления своих идеалов – после трех лет гражданской войны революция истекает кровью, народ умирает от голода. Развитие революции на Западе идет не так быстро, как рассчитывала большевистская партия.

Большевики видят в сохранении своей власти залог успеха международной революции, пишет Мартов. И потому они пускают в ход все «самые рискованные и сомнительные средства, лишь бы как-нибудь продлить борьбу русской революции за свое существование» [11, 452]. Они не учитывают того, как то или иное средство борьбы, применяемое ими, отразится на развитии всей международной революции.

Он резко отрицательно относился к террору, осуществляемому большевиками, указывая, что «большевистская партия в России сделала всесторонний терроризм основой всей системы революционного правительства» [11, 455]. «Но система террора не исчерпывается убийствами. Массовые аресты, заключение всякой печати и всяких собраний, заключение с принудительными работами без всякого суда, повседневная кара за стачки или только за коллективное требование, запрещение рабочим выбирать в Советы представителей определенной партии, наконец <...> ссылка на фронт рабочих – членов коммунистической партии за попытку критики вождей...» [11, 456–457].

В своих произведениях Мартов много внимания уделял характеристике советской политической системы. В 1922 г. он писал: «Большевистская диктатура – диктатура меньшинства, организованного в строго централизованную политическую партию, – представляет собою государственную организацию, еще небывалую в истории. Эта диктатура исторически и логически неотделима от “немедленного социализма”» [11, 477]. Он отмечал, что установившаяся в стране однопартийная система власти на практике означает замену власти Советов диктатурой партии. Происходит подмена демократических структур власти властью чрезвычайных органов. Разгон

Учредительного собрания, по его мнению, означал «страшный удар по революции».

Мартов противопоставлял сделанные осенью 1917 г. В. И. Лениным в статье «Государство и революция» прогнозы о характере послереволюционного государства и послеоктябрьскую практику большевиков. Ленин, отмечает он, провозглашал лозунг «Вся власть Советам!» В действительности же советское государство не установило ни выборности, ни сменяемости в любое время чиновников и командного состава, не отменило профессиональной полиции, не растворило суды в непосредственном правотворчестве масс, не уничтожило принудительной власти государства над отдельными коммунами. Напротив, в своем развитии оно проявляет обратную тенденцию – к крайнему усилению государственного централизма, к максимальному развитию принудительного начала в общежитии, к разрастанию всех специальных органов государственной репрессии, к наибольшей эмансипации выборных органов от непосредственного контроля выбирающих масс, исполнительных органов – от назначающих их представительных учреждений [11, 416]. Власть Советов, пишет он, заменяется властью одной партии, которая постепенно превращается в основное государственное учреждение, в стержень всей системы «республики Советов» [11, 417]. Идея власти Советов по своему политическому содержанию является псевдонимом диктатуры крайнего меньшинства пролетариата.

Система власти, формируемая большевиками, представлялась Мартову отступлением от марксистского учения о пролетарском государстве. Он отмечал, что большевики неправильно трактовали взгляды основоположников марксизма на диктатуру пролетариата. Мартов считал, что К. Маркс под диктатурой пролетариата подразумевал не конкретную форму правления, а социальную сущность новой государственной власти. В этом контексте он характеризовал К. Маркса как непримиримого врага всякого варварства и сторонника демократических принципов в государственном строительстве [10, 3–4].

Мартов видел корни, истоки антидемократической природы власти большевиков в самом характере этой партии, построенной на жестком централизме, враждебном партийной демократии. В своей работе «История российской социал-демократии», написанной в 1917–1918 гг., он сделал вывод, что на протяжении всей своей истории большевизм отчетливо проявлял дикта-

торские качества, стремление к вождизму, единовластию [11, 65–67].

В работах Мартова содержится характеристика социализма, который, по его мнению, строился в России. В декабре 1917 г. в письме к Н. С. Кристи он писал о своей органической неспособности «примириться с тем аракеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самим тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве» [11, 575]. У него – ярко выраженное негативное отношение к большевистскому типу социализма, который, по его мнению, способен надолго дискредитировать в сознании народа саму идею социализма. Он пишет: «Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, напротив, высшим их воплощением, и начало коллективизма я представлял себе прямо противоположным “стадности” и нивелировке. Да не иначе понимают социализм и все, воспитавшиеся на Марксе и европейской истории. Здесь же расцветает такой “окопно-казарменный” квазисоциализм, основанный на всестороннем “опрошении” всей жизни, на культе даже не “мозолистого кулака”, а просто кулака, что чувствуешь себя как будто бы виноватым перед всяким культурным буржуа» [11, 575].

Мартов сформулировал свои программные установки, касающиеся государственного устройства России, подчеркнув при этом, что цель социал-демократии осталась прежней: «...демократическая республика, как политическая форма, относительно наилучше гарантирующая пролетариату и трудящимся классам вообще возможность борьбы за свое конечное освобождение и за немедленное улучшение своего положения; как политическая форма, при которой осуществима действительная власть трудящихся классов, если последние проявят достаточное понимание своих интересов и если пролетариат сумеет восстановить свой боевой союз с демократическим крестьянством, сорванный утопизмом и диктатурой большевиков». Наши лозунги, писал Мартов, «не свергать большевизм во имя народовластия, а бороться за объединение революционных партий, переход от диктатуры одной партии к правительству, опирающемуся на совокупность революционных сил, демократизация данного (советского) режима, освобождение его от террористических черт и от бюрократического абсолютизма. Таков

смысл наших лозунгов: “через Советы к демократии”, “исполнение советской конституции” и т. п. “Новейшие” теории о непригодности вообще демократии для осуществления революционных задач социалистической эпохи, о “советской системе” как “высшем типе демократии” и т. д. мы отвергаем, разумеется, как чистый вздор» [11, 506; 11, 595].

Целью партии меньшевиков является демократическая республика. Основная политическая задача – «переход к правовому режиму демократии»; установление на этой основе власти, основанной на соглашении всех революционно-социалистических сил. Этой основной задаче партия большевиков подчиняет свои частные тактические лозунги – соблюдение советской Конституции, свободные выборы, борьба против террора, свобода деятельности политических партий, независимость профдвижения. Мартов пишет о стремлении партии меньшевиков путем организованного давления масс вырвать у существующей власти политические уступки [11, 505–506].

Критикуя большевиков, Мартов убежденно выступал против организации антибольшевистского восстания. Он считал, что при данном соотношении сил восстание в случае успеха может привести к победе буржуазной или дворянской контрреволюции. Обосновывая нецелесообразность восстания против большевиков, он указывал, что в отличие от эсеров социал-демократия не верит, что крестьянство в своей массе обязательно пойдет за демократией, а не за этой контрреволюцией. При революционном свержении большевиков, резюмирует Мартов, мы имели бы против себя не только более или менее коррумпированное меньшинство «настоящих» коммунистов, но и очень значительную часть подлинно городского и сельского пролетариата. Они верят в скорое наступление коммунистического рая посредством применения силы, искренне вдохновляются идеалом всеобщей «уравниловки» и т. д. Это большей частью культурно-отсталые слои пролетариата, которых почти не затронуло не только прежнее социал-демократическое движение, но даже и революция 1917 г. Их внезапно «раскачала» анархия первого периода большевистской революции; она впервые разожгла в них смутные классовые инстинкты, сделала их, несмотря на слабую культурность, социально активными в довольно высокой степени. Именно эти слои – менее квалифицированные и просто чернорабочие – начинали

восстания в тылу Колчака, Деникина, Врангеля и т. д., как только приближалась Красная армия; они поставляли в эту армию добровольцев, благодаря которым большевики отбивали белые армии. Они внесли вклад в победу над Юденичем под Петербургом. Целенаправленная работа большевиков среди женского пролетариата, среди молодежи обеспечила им поддержку этих слоев. И вся эта масса в случае восстания будет сражаться за большевиков до последней капли крови [11, 604–607].

Критически оценивал Мартов экономическую политику власти большевиков в первые послереволюционные годы. Он пишет об «утопическом опыте» большевизма в экономической сфере. Капиталистическое хозяйство было разрушено. Разрушение производительных сил привело к «экономическому регрессу». «Военный коммунизм», отмечает он, бюрократизировал хозяйственную организацию страны, «закрепостил» профсоюзы, завкомы и кооперативы, заглушил все зачатки самодеятельности народа, убив тем самым возможности социализации. «От все более всеобъемлющего и все более аракчеевски-уравнилельного, убивающего хозяйство “немедленного” коммунизма большевистская власть отказалась только тогда, когда “взбунтовались сами производительные силы” против навязываемой насильем утопии; когда промышленность приостановилась, земледелие вернулось к натуральному хозяйству и снабжение городов стало невыполнимой задачей для самой неограниченной в мире власти» [11, 499]. Мир между пролетариатом и крестьянством «был нарушен продовольственной и аграрной политикой большевистского коммунизма».

Новая историческая обстановка (отход от принципов «военного коммунизма», нэп, прекращение гражданской войны, ликвидация интервенции, спадение революционной волны в Западной Европе) обусловила изменения в экономической позиции Мартова.

В октябре 1922 г. в статье «Наша платформа» Мартов подчеркивал, что экономическая программа меньшевиков должна быть пересмотрена. Партия меньшевиков «должна отправляться от того положения, что восстановление разрушенного народного хозяйства в России будет совершаться преимущественно на капиталистических началах и что при данных исторических условиях это – наиболее рациональный путь. Она должна поэтому занять определенно отрицательное отношение ко всем попыткам

большевиков затормозить этот процесс во имя ли отрывки старокоммунистической утопии или во имя чисто политической заботы о сохранении в руках государства источников экономического могущества в целях держать от себя в зависимости те или другие группы населения» [11, 500–501]. Суть новой экономической политики, отмечал Мартов, заключается «в отказе от коммунизма, в ставке на мелкого собственника в деревне и городе, в возвращении крупного капитала к торговле и промышленности» [11, 466]. Мартов отмечал, что несостоятельность экономической утопии коммунистов стала очевидной всему миру, в т. ч. им самим.

Мартов был убежден, что новая экономическая политика вступит в непримиримое противоречие с политической надстройкой, созданной для решения совершенно противоположных – коммунистических – задач. В его представлении в конечном итоге эта борьба приведет к краху власти большевиков: «...приноровленный к проведению утопии, к систематическому насилию над законами экономического развития политический режим будет ликвидирован; политическая надстройка должна будет приспособиться к тем экономическим силам, которые своим массовым сопротивлением привели утопию к краху» [11, 466].

Достижения в экономической сфере Мартов неизменно связывал с содействием Европы развитию производительных сил России. Восстановление народного хозяйства России, считал он, немисливо без немедленной помощи Запада, а только в тесном взаимодействии с европейским и американским капитализмом [11, 500].

Мартов выступает за привлечение частного капитала к решению экономических проблем во всех формах – вплоть до полной передачи предприятия собственнику. Критерием доли частного и государственного хозяйства, считает он, надо принять высшую производительность: там, где государство может поставить дело не хуже частного предпринимателя, национализация и государственное хозяйство должны остаться. Исключение составляют предприятия, носящие монопольный характер, например железнодорожное дело. Функция государства – контроль государства над производством, рациональная налоговая и социальная политика.

Мартов считает, что на ближайшее время сектор государственного хозяйства останется обширным, ибо ни русский, ни иностранный

частный капитал не в состоянии поднять на прежний уровень всю промышленность; отказ от государственного хозяйства означал бы исчезновение целых отраслей промышленности и привел бы к аграризации страны.

Основное направление экономической перестройки, по мнению Мартова, – это последовательное проведение экономической линии, начало которой было положено новой экономической политикой. Это экономическое раскрепощение идет в сторону восстановления товарно-капиталистических отношений, поскольку жизнь показала, что в русской экономической действительности нет достаточных объективных предпосылок для немедленного осуществления социализма.

Мартов видел разницу в понимании характеристики «экономическое раскрепощение» идеологами буржуазии и пролетариата. «Для идеолога буржуазии “экономическое раскрепощение” равнозначает с полной и безоговорочной реставрацией принципов частной собственности, с неограниченным господством капитализма во всех сферах хозяйственной жизни» [11, 471]. «Для пролетариата прогрессивным и необходимым восстановление капиталистических отношений является лишь в тех пределах, в которых оно является предпосылкой восстановления и развития производительных сил. Поскольку раскрепощение и развитие экономической самостоятельности возможны при сохранении в руках государства и при общественной организации отдельных частей народного хозяйства, пролетариат заинтересован в том, чтобы ликвидация утопического коммунизма сопровождалась сохранением этих “элементов социализма” как ценных позиций в его дальнейшей борьбе за преобразование общества на началах коллективизма» [11, 471–472]. Мартов обосновывал необходимость сохранения и развития элементов коллективного хозяйства всюду, где это окажется совместимым с задачей восстановления и развития производства.

В области аграрного вопроса платформа меньшевиков содержала требования «закрепления за крестьянами владеемой ими земли», отказа от всякой попытки мерами скрытого насилия или явной опеки форсировать развитие коллективных форм землевладения или землепользования».

Составной частью экономической программы должна быть, по мнению Мартова, борьба за свободу классовых организаций, за лучшие усло-

вия труда, за социальное обеспечение. Свобода организаций рабочего класса и потребителей может подготовить их к участию в руководстве народным хозяйством. Это борьба за предпосылки социализации, т. е. общественной организации производства.

Мартов считает, что «большевистская диктатура» с введением нэпа претерпела изменения. В 1917–1920 гг. она выражала, по его мнению, социально-утопические чаяния значительной части пролетариата. В этом обстоятельстве власть черпала внутреннюю моральную силу, без которой не могла бы организовать ни Красной армии, ни аппарата управления, ни даже слабого государственного хозяйства. С переходом к нэпу диктатура большевиков перестала служить цели введения коммунизма. Эта диктатура служит теперь цели ликвидации коммунистического опыта, цели восстановления товарно-капиталистических производственных отношений, что приведет к глубокому разрыву связи между диктатурой большевиков и пролетариатом [11, 478]. Субъективно большевики намерены использовать полноту власти для охраны интересов пролетариата и интересов социализма. Но в условиях восстановления капитализма эти интересы не могут быть защищены в атмосфере политического бесправия трудящихся классов, средствами политической опеки. «Ибо жалкой утопией является думать, что без доведения общественной самостоятельности всех производителей до максимума, без расцвета свободных, самоуправляющихся профессиональных и кооперативных организаций и без той правовой обстановки, вне которой чахнут на корню эти продукты и органы классово-вой борьбы, – без неприкосновенности личности, свободы политических партий, демократической организации государства – самая “сильная” власть сможет отстоять скромные зачатки коллективизма» [11, 482].

«Борьба за свободу классовых организаций является, вместе с борьбой за социальное обеспечение и за лучшие условия труда, составной частью нашей экономической программы. Все программы экономического оздоровления России, как большевистско-сменовеховские, так и кадетско-либеральные, исходят ныне из одностороннего применения т. н. “производственного принципа”: производство должно быть поднято какой угодно ценой, что в настоящих условиях значит – ценой отказа рабочих от 8-часового дня и прожиточного минимума.

В противоположность этим программам социалистическая программа должна выдвинуть положение о рабочей силе как основном факторе производства и со всей энергией отстаивать максимум возможных социальных достижений для рабочего класса в эпоху экономического перелома» [11, 502].

Программные положения Мартова содержат немало противоречий. Он оговаривается, что «детальная разработка всех вообще частей экономической программы потребует, разумеется, отдельного обсуждения» [11, 503].

Критикуя теорию и практику большевистской партии, Мартов вместе с тем делал акцент на следующей своей позиции: «...в борьбе с грозящими революции в целом классовыми врагами пролетариата мы готовы защищать самое большевистскую революцию там и тогда, где и когда история вручила ей миссию сдерживать напор мировой контрреволюции» [11, 392].

На интерпретацию Ю. О. Мартовым феномена Октябрьской революции оказали влияние такие характерные для лидера меньшевизма воззрения, как: догматическое следование классическим программам международной социал-демократии; недостаточный учет специфики российской действительности; недооценка роли субъективного фактора в историческом процессе; отсутствие у меньшевиков целостной программы завоевания власти, а затем и становления советского общества; уверенность в правомерности организационных принципов партии меньшевиков; убежденность в необходимости помощи капиталистических государств в восстановлении народного хозяйства в России.

В. М. Чернов осудил захват большевиками власти, отрицательно отнесся к Октябрьской революции. По его мнению, для социалистической революции в России в тот период не было объективных предпосылок, хотя Февральская революция и перешагнула рамки обычной буржуазной революции. «...Россия сама по себе созрела лишь для буржуазно-демократической революции...» Если «русская революция останется одинокой, она и не выйдет из своих первоначальных рамок – рамок революции буржуазно-демократической», делал вывод В. М. Чернов [23, 625–626].

По мнению Чернова, важнейшую роль в победе большевиков в октябре 1917 г. сыграли их нацеленность на захват власти, уверенность в силе власти в осуществлении разносторонних социалистических преобразований в стране.

Ленин постоянно подчеркивал, что вопрос о государственной власти есть коренной вопрос всякой революции. Чернов пишет, что старобланкистская идея о том, что захват власти – ключ ко всему, владела умом Ленина всецело. Он вскоре прививает ее всей большевистской партии, не встречая при этом сколько-нибудь серьезного сопротивления. «Воля к власти» была характерной чертой большевизма, она отличала большевиков от их «друго-врагов» по революции и социализму, отмечает Чернов. Все другие партии относились к участию во власти с большой осторожностью, переходящей в эпидемию властобоязни. В течение 1917 г. в России неоднократно имела место парадоксальная ситуация, когда борьба между партиями «шла больше вокруг власти», чем за власть. Бывали моменты, когда власть чуть ли не «валялась на улице», и все, упираясь, спорили, кому и на каких основаниях подобрать ее. Никто не хотел сделать это в одиночестве, и никак нельзя было столкнуться о том, на каких условиях взять ее сообща. Слишком различно было понимание смысла переживаемого периода, слишком различны намечавшиеся у разных социальных групп программы действий [23, 188–190]. Уже на первом Всероссийском съезде Советов Ленин заявил, что такая партия в России есть – это большевистская партия.

Чернов выявлял причины веры большевиков в могущество государственного принуждения, отсутствия у революционеров психологических препятствий для утверждения гипноза власти. По его мнению, Россия была страной, менее всего воспитанной в традициях народовластия, менее всего впитавшей в плоть и кровь его принципы, привыкшей к господству автократии [23, 188]. Вековое господство самодержавия наложило глубокий отпечаток на сознание большевиков. Чернов пишет: «Ленин даже чистую демократию в официальной большевистской программе не умел определить иначе как искажающими ее сущность словами “самодержавие народа”. Диктатура пролетариата, в определении Ленина, вполне и безусловно выглядит своеобразным классовым абсолютизмом и даже деспотизмом. Ленин своей персоной дал пролетариату воскрешенную фигуру “добраго тирана”. Вместо “царя-батюшки” явился “батюшка-Ильич”» [23, 191].

Воспитанию духовной автократии способствовали принципы создания и функционирования партии большевиков: «Подполье с его узким кругом профессионалов революции, похожих

на членов своеобразного полурьцарского, полумонашеского воинствующего ордена и с требованием железной дисциплины, довершало дело. Русский большевизм и был тем крылом революционной демократии, на котором накопились путем естественного подбора элементы с этим специфическим настроением» [23, 188].

Утверждению гипноза власти способствовала империалистическая война. Война обострила диктаторские стороны государственной власти; она заставила все силы общества сплотиться вокруг государства, потребовала беспрекословного исполнения его директив в интересах самосохранения [23, 188].

Характеризуя ленинские взгляды на развитие мирового революционного процесса и место России в нем, Чернов отмечает, что Ленин в дореволюционный период говорил о невозможности в России непосредственной и немедленной победы социализма, что он рассматривал русскую революцию как ступеньку к всемирной социалистической революции, после чего более счастливые в смысле культурной и материальной подготовленности к социализму страны окажут России прямую поддержку в преобразовании буржуазного общества в социалистическое. России, в представлении Ленина, принадлежит инициатива; руководящая роль в социалистическом строительстве выпадет на долю вступающего в него позднее. Большевики пошли по другому пути [23, 625], отмечает Чернов.

Чернов критикует большевиков за отсутствие программы социалистического преобразования России: «Не было ни “конструктивного плана” будущего общества, ни “организационного плана” для превращения буржуазного общества в социалистическое» [23, 624]. Теоретическая разработка этих вопросов, констатирует Чернов, «отстала от событий». Он характеризует социализм большевиков как императивный по форме, деструктивный по существу. Он подчеркивает, что большевиков после взятия власти отличала законодательная плодovitость, не имеющая себе равных в истории. Декреты преследовали цель – разбудить самодеятельность масс, направить их активность на строительство новой России. Однако декретный ливень первого периода послеоктябрьских событий имел чрезвычайно мало общего с действительно законодательной работой. Не было создано соответствующего аппарата для проведения декретов в жизнь. Чернов отмеча-

ет, что и Ленин в итоге признал, что «декретами социализма не введешь».

Чернов пишет о слабости конструктивных элементов большевизма. После захвата власти началось разрушение старой государственности. Он интерпретирует ход и итоги преобразований большевиков в двух главнейших сферах социально-экономического развития страны – осуществлении национализации банков и введении рабочего контроля. По его мнению, национализация банков обусловила дезорганизацию, паралич кредитной системы, ибо был разрушен аппарат национальной организации кредита. Кавалерийский «налет» на кредитные учреждения означал аннулирование государственных займов, ограничение пользования вкладами и частичную их конфискацию. Чернов писал: «Пожертвовать банковским аппаратом, в развитии которого он (В. И. Ленин. – Л. Л.) сам хотел видеть “девять десятых социализма”, ради того, чтобы обшарить сейфы и “постричь” вкладчиков, было настоящим самоубийством. Но никакими “аппаратами” Ленин не дорожил. Он с упорством манияка верил в возможность их созидания “одним ударом, одним указом» [23, 227]. Фактически утратив банки как источник финансирования, в условиях демобилизации промышленности, разлада транспорта, недостатка сырья и топлива слабая русская индустрия, жившая на казенных заказах, рухнула. Началась безработица.

Чернов уверен, что правоту его суждений подтвердила последующая практика большевиков, когда они, остановившиеся у самого края пропасти, начали переход к новой экономической политике и стали восстанавливать разрушенную банковскую систему. Кончив социализацию кредита упразднением кооперативного кредита, национализацией кооперативного банка и конфискацией кооперативных капиталов и товаров, большевики начали их денационализацию, перешли к открытию смешанных и просто частных банков [23, 230–231]. Оказалось, что создаваемое веками можно разрушить очень быстро; восстановить разрушенное так же быстро, как его разрушали, невозможно.

Второй ключевой позицией, овладение которой большевики с полным основанием выдвигали на первый план, являлось право рабочего контроля над производством. Чернов позиционирует рабочий контроль как составную часть общественного контроля над частным предпринимательством, как фактор демократизации

общества. Он пишет, что вопреки всем первоначальным уверениям большевиков о рабочем контроле как вещи в высшей степени простой, общеизвестной, испробованной многократно на Западе, проблема контроля над производством является весьма сложной не только в практическом, но и в теоретическом плане и далеко не разрешенной в европейской практике. Эффективность контроля предполагает знание того, что и как надо контролировать. Контроль над производством – это сложная система, где необходимо различать чисто технические акценты, коммерческие, организационные, что требует разного рода компетентности. На практике фабрично-заводским комитетам не хватало ни технических, ни организационных навыков и знаний. Пределы контроля постоянно суживались, отмечает Чернов, и в конечном итоге фабзавкомы стали обладать незначительными функциями, а советское государство избрало путь национализации промышленных предприятий [23, 239].

Чернов делает вывод, что и национализация банков, и рабочий контроль сыграли деструктивную роль в русской революции.

В аграрной области большевики, пишет Чернов, «наткнулись на ситуацию, ортодоксальным марксизмом не предвиденную, и на конструктивные проблемы, к которым они оказались абсолютно неподготовленными» [23, 406–407]. Он отмечает, что большевики отсутствовали от своей программы по аграрному вопросу и, пойдя за стихией аграрной революции, приняли эсеровскую программу социализации земли, суть которой составлял лозунг уравнительного землепользования. Провозглашение этой программы привело на сторону большевиков крестьянские массы. Однако, доказывает Чернов, на практике большевиками было осуществлено «варварское искажение» социализации. По существу, это была национализация земли «с сильнейшим, всепроникающим вмешательством бюрократического регламентирования», с отрицанием «каких бы то ни было личных, субъективных публичных прав на землю» [23, 452, 453, 455].

В работах Чернова содержится оценка политической системы, созданной большевиками. Характеризуя политическую систему России, Чернов пишет о системе «монополюльной партийной диктатуры». Он выступает против правового нигилизма большевиков, связывает пренебрежение к личным правам и свободам в новой

России с влиянием, в частности, существующего веками в России «абсолютного неуважения к правам личности»: «Только в стране векового абсолютизма идея “диктатуры пролетариата” могла вырождаться в абсолютистско-аракчеевскую схему диктатуры над пролетариатом и от его имени – над всей страной» [23, 636].

Простая смена состава государственного аппарата может только на первый взгляд показаться колоссальной ломкой, комментирует Чернов. Монопольное обладание чрезвычайно важной социальной функцией – функцией управления – порождает бюрократию, каковость управленческого строя. Это своеобразный вариант прежнего бюрократизма. Бюрократию делает бюрократией не привилегированное социальное происхождение ее носителей. Бюрократия может процветать в коммунистическом государстве так же, как в буржуазном, если только коммунистическое государство сохранило централистически-авторитарный политический строй [23, 193].

В книге «Конструктивный социализм» (1925 г.) Чернов обосновывает положение о невозможности немедленного перехода к социализму. Он считал необходимым наличие длительного периода для выработки программы строительства социализма, постепенной подготовки рабочего класса к управлению страной. Чернов выступил с оригинальной теорией, конкретизирующей этот вывод.

В истории социализма он выделяет три этапа – утопический, научный, конструктивный. Настоящее и будущее социализма, по его заключению, может быть охарактеризовано «как перерождение его из научного в конструктивный или организационный» [23, 12]. Подобная постановка вопроса приобрела особое значение в связи с необходимостью решать вставшие перед большевиками задачи строительства социалистического общества. Теоретическая разработка этих вопросов, считает Чернов, отстала от потребностей практики. Капитализм дал гораздо менее, чем этого ожидали, готовых элементов грядущего строя. И тем более сложной является проблема социалистического строительства, богаче внутреннее содержание высшей формы социализма – конструктивного, созидательного социализма.

По мнению Чернова, для эффективного управления страной нужно, чтобы новый класс, от имени которого произведен переворот, уже создал бы в своем лоне зародыши новых уч-

реждений, из которых и может развиваться качественно иной аппарат. Только тогда имела бы место действительно трудовая демократизация управления.

Определяя ориентиры социалистического строительства, Чернов ставит вопрос о готовности перехода к социализму различных сфер российского общества и подчеркивает, что «конструктивный социализм» переносит центр тяжести «из сферы технико-организационной в сферу культурно-психологическую». «“Готовым” должен быть прежде всего сам человек <...> Проблема конструктивного социализма есть великая культурно-историческая проблема воспитания личности для социализма. Как рядовой трудовой личности, так в особенности и личности ответственного организатора социалистического производства» [23, 21–22].

Практическую осуществимость социализма Чернов связывает с вовлечением в этот процесс интеллигенции, с завоеванием ее духовно и морально. Конструктивный социализм предполагает отвоение у капитализма «мозга нации». «Сerp» и «молот» должны третьим равноценным собратом иметь «книгу» [23, 25]. «Интеллигенция, как идеологическая категория, характеризуется преобладанием в ее труде творческого начала, а творческое начало предполагает резко выраженную творческую индивидуальность и полную свободу ее выявления» [23].

В этом контексте Чернов ставит проблему соотношения разрушительной и созидательной, деструктивной и конструктивной сторон в социализме, их последовательности. Он иронически замечает: «Социальное здание прошлого – рассуждает вульгарный революционизм – должно быть прежде всего пущено на слом; только после этого на его месте может быть воздвигнуто здание будущего. Если спросить, где же и как будет жить человечество в тот промежуток времени, когда старое здание уже будет снесено, а новое еще не воздвигнуто, то вопрос этот устраняется ссылкой на краткость этого периода, а короткое время, разумеется, можно прожить и на бивуаках, под наскоро сколоченным навесом, а не то – так и просто под открытым небом» [23, 203]. Чернов отмечает, что такой подход для масс означает колоссальное снижение культуры, социальное опрощение, возврат к какой-то первобытной полудикости. Он делает вывод: «И нельзя себе представить ничего худшего как для отдельного реформатора, так и для целой новаторской партии, партии будущего,

чем роковое отставание их созидательной работы от разрушительной <...> Должно быть соблюдено строгое равновесие между созидательной и разрушительной стороной преобразовательной работы <...> созидание должно не следовать за разрушением, тем самым неизбежно перманентно отставая от него, но везде, где это возможно, даже предшествовать ему» [23, 211–212]. Большевик перевернул нормальный порядок здорового развития «вверх ногами», и «с социализмом большого несчастья случиться не может» [23, 213], считает Чернов.

В работах Чернова содержится оценка государственного строя, созданного большевиками. Он цитирует и одобряет свой текст, подготовленный весной 1920 г. и касающийся характеристики существа и деятельности большевистского правительства в реформированной промышленности (хотя эта характеристика затрагивает и политическую сферу): «...партия социалистов-революционеров объявляет современный режим не имеющим ничего общего с социализмом, из которого он вытравил самую его душу – общественную и личную свободу. С современным режимом П.С.Р. будет бороться, как с самой уродливой фальсификацией социализма, – как с азиатски-деспотическим, государственным капитализмом» [23, 536]. Чернов акцентирует внимание на основных признаках государственного капитализма. Это бюрократическая централизованность, управление промышленностью путем назначения чиновников, со всеми обычными слабостями бюрократической системы – рутинностью, неэластичностью, бесхозяйственностью, незаконностью, обилием злоупотреблений, чрезмерным усилением власти и силы государства по отношению к обществу и личности [23, 536]. На рельсы государственного капитализма, считает Чернов, большевики встали почти сразу же после октябрьского переворота. Революционная внешность мер «военного коммунизма» заслонила государственно-капиталистическую основу донэповского «социализма» [23, 537]. Мероприятия, кажущиеся «прямым творчеством самого настоящего социализма и даже коммунизма», на деле были «лишь поверхностным потребительским коммунизмом, совершенно не отменявшим торжества системы государственного капитализма в области организации индустрии» [23, 537].

Позитивные сдвиги в строительстве нового общества обусловили появление новых акцентов в оценках практики социализма.

В написанной в связи с десятилетним юбилеем октябрьских событий статье «Аккорды и диссонансы революции» Чернов заявил, что «неприятие революции обычно есть в то же время отрыв от народной стихии, взаимным раздражением порожденный развод с собственным народом». Он подчеркивал, что неоднозначные, противоречивые оценки российской революции обусловлены ее сложным характером: «Во всякой революции есть как бы два лика. Одним она обращена назад: это лик, искаженный судорогой гнева <...> Другим – вперед: это лик, просветленный улыбкой надежды и взлетом чистого энтузиазма» [7, 87–88].

Причины упрочения власти большевиков Чернов во многом связывал с особенностями большевистской партии, их лидеров. Он подчеркивал гибкость партии, умение приспосабливаться ко всяким обстоятельствам, ее неспособность к компромиссам и коалициям, крайнюю централизацию, склонность к социальному экспериментированию. Причину успеха большевиков Чернов связывал с их способностью учитывать революционную психологию масс при реализации политической линии. Основные черты большевистской партии отражал ее лидер – В. И. Ленин. В некрологе, написанном в связи со смертью Ю. О. Мартова, Чернов противопоставляет лидерские качества Мартова и Ленина, проявляя при этом симпатию к Мартову и явную недоброжелательность к своему сопернику-победителю В. И. Ленину. В. М. Чернов подчеркивает, что «Ленин» и «большевизм» были синонимами. Он отмечает «напроломный» ум Ленина, подчеркивает, что Ленин как оратор обладал «своеобразной сосредоточенной силой внушения, которую расточал его властный ораторский волевой темперамент», что он почти гипнотизировал своих сторонников самоуверенной неукротимостью своих действий и планов, что Ленин «держит от себя массу на расстоянии и этим “пафосом расстояния” усиливает свой престиж и авторитет», что Ленин «во всех своих зигзагах и переменах волевых устремлений никогда не терял из вида непререкаемой уверенности и мог бы даже в моменты самых неожиданных и крутых “поворотов у руля” сказать про себя <...> “я еще не знаю, куда я иду, но я иду туда решительно”» [24, 2–3], и т. д. Очевидно, что за этими характеристиками стоит признание Черновым таких лидерских качеств Ленина, как незаурядность личности, политическая воля, огромная энергия, решительность, гибкость тактики.

В. М. Чернов выявлял и причины неудач своей эсеровской партии, и свою роль в этих неудачах. Укором эсерам звучат слова Чернова, связанные с оценкой их деятельности в ситуации кронштадтского мятежа: «Ведь это же банкротство наше как деятелей, банкротство полное, смешное и жалкое». Он отмечал отсутствие организованности, неподготовленность, неспособность эсеров к выработке тактики борьбы с большевиками в тех условиях [12, 61].

Выдающийся теоретик партии эсеров, Чернов не обладал такими качествами политика и организатора, которые позволили бы ему провести свои идеи в жизнь. Он не мог использовать партийный аппарат в качестве своей опоры. Его влияние на жизнь партии ограничивалось в значительной мере выступлениями на партийных форумах [25, 4–5]. К этому тезису можно добавить, что эсеры, получившие в результате выборов в Учредительное собрание 347 депутатских мест из 767 и имевшие на посту председателя Учредительного собрания В. М. Чернова, не смогли использовать своих преимуществ.

Политическому поражению эсеров способствовал и комплекс «властебоязни», нежелание взять на себя полную ответственность за управление страной в сложнейших исторических условиях.

Октябрьская революция 1917 г. в России – одно из величайших событий мировой истории. Она изменила облик мира. Революция ускорила движение России по пути модернизации страны и способствовала превращению России в короткий исторический срок в сильную индустриальную державу. Мировой капитализм был вынужден учитывать воздействие Октября на народы своих стран.

Теория и практика большевизма являлась и является до сих пор предметом острых дискус-

сий, в которых оппоненты аргументируют взаимоисключающие позиции – от признания за Октябрьской революцией огромного позитивного значения в жизни России до обвинений большевиков в утопическом экспериментировании, нанесшем народам России страшный удар. В этом споре еще рано ставить точку.

Лидеры крупных социалистических партий России, потерпевших поражение в противоборстве с большевиками, обвиняли их в узурпировании власти и стремлении монополюльно управлять страной, в отсутствии конструктивной и реалистической программы строительства социалистического общества, в недемократических методах руководства страной и широком использовании насилия. Их программные предложения порой носили утопический или противоречивый характер; исторические реалии анализировались вне конкретно-исторического аспекта; предлагаемые практические программы были окрашены эклектикой. Следует отметить, что партии меньшевиков и эсеров, имея своих представителей во властных органах послефевральской России, имели возможность реализации своих программ, привлечения масс на свою сторону. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что переход от одного общественно-политического строя к другому происходил в стране, не завершившей начатую в капиталистической России модернизацию, в огромной крестьянской стране с неразвитым гражданским обществом, низкой политической культурой. Готовых рецептов строительства социалистического общества не было. Не было и опыта решения подобных проблем ни в одной стране мира.

Анализ теоретических взглядов представителей социалистических партий России, опыта их деятельности на различных этапах истории требует дальнейшего осмысления.

Библиография:

1. Волобуев О. В., Ильяшук Г. И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. № 2. С. 32–51.
2. Гетцлер И. Мартов. Политическая биография российского социал-демократа. 2-е изд., расшир. и доп. СПб., 1998.
3. Гусев К. В. В. М. Чернов: штрихи к политическому портрету. М.: РОССПЭН, 1999. 207 с.
4. Иоффе Г. З. Ю. О. Мартов // Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М.: Издательство политической литературы, 1991. 378 с.
5. Казарова Н. А. Ю. О. Мартов. Штрихи к политическому портрету. Ростов-на-Дону: РГПУ, 1998. 168 с.
6. Колесниченко Д. А. Виктор Михайлович Чернов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. 379 с.
7. Коновалова О. В. В. М. Чернов о революционном процессе в России // 1917 год в российской и мировой истории. Материалы международной научной конференции. Красноярск, 2007.
8. Мамаев И. С. Л. Мартов как политик в оценках современников и историков // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 6. С. 53–69.

9. Мартов и его близкие. Сборник. Нью-Йорк, 1959. 170 с.
10. Мартов Л. Разложение государства или его завоевание? // Социалистический вестник. 1921. № 14/15.
11. Мартов Ю. О. Избранное. М., 2000. 672 с.
12. Новиков А. П. Эсеровские лидеры и кронштадтский мятеж 1921 года // Отечественная история. 2007. № 4. С. 57–64.
13. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М.: РОССПЭН, 1997. 1698 с.
14. Савельев П. Ю. Л. Мартов в советской исторической литературе // Отечественная история. 1993. № 1. С. 94–111.
15. Савельев П. Ю., Тютюкин С. В. Юлий Осипович Мартов (1873–1923): человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 133–157; № 5. С. 130–166.
16. Тов. П. Б. Аксельрод о большевизме и борьбе с ним // Социалистический вестник. 1921. № 6. С. 3–7.
17. Тютюкин С. В. Меншеvizм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.
18. Урилов И. Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 2. Историография. М.: Раритет, 2001. 350 с.
19. Урилов И. Х. Ю. О. Мартов. Историографический очерк. М.: Наука, 1995. 83 с.
20. Урилов И. Х. Ю. О. Мартов: политик и историк. М.: Наука, 1997. 472 с.
21. Федоренко А. А. Политическая концепция В. М. Чернова. М.: Сигнал, 1999. 160 с.
22. Хеймсон Л. Меншеvizм и эволюция российской интеллигенции // Россия-XXI. 1995. № 3–4. С. 142–157.
23. Чернов В. М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. 670 с.
24. Чернов В. Л. Мартов // Революционная Россия. 1923. Май–июнь. № 26–27. С. 2–3.
25. Чернов В. М. Протоколы Центрального комитета Партии социалистов-революционеров с комментариями В. М. Чернова // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 4–5.
26. Ярцев В. Чернов, эсеры и большевистский режим: эволюция неонароднических оценок // Свободная мысль. 1994. № 5. С. 82–98.

References (transliterated):

1. Volobuev O. V., Il'yashchuk G. I. Posleoktyabr'skii men'shevizm // Istoriya SSSR. 1991. № 2. S. 32–51.
2. Gettsler I. Martov. Politicheskaya biografiya rossiiskogo sotsial-demokrata. 2-e izd., rasshir. i dop. SPb., 1998.
3. Gusev K. V. V. M. Chernov: shtrikhi k politicheskomu portretu. M.: ROSSPEN, 1999. 207 s.
4. Ioffe G. Z. Yu. O. Martov // Rossiya na rubezhe vekov. Istoricheskie portrety. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991. 378 s.
5. Kazarova N. A. Yu. O. Martov. Shtrikhi k politicheskomu portretu. Rostov-na-Donu: RGPU, 1998. 168 s.
6. Kolesnichenko D. A. Viktor Mikhailovich Chernov // Rossiya na rubezhe vekov: istoricheskie portrety. M.: Politizdat, 1991. 379 s.
7. Konovalova O. V. V. M. Chernov o revolyutsionnom protsesse v Rossii // 1917 god v rossiiskoi i mirovoi istorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Krasnoyarsk, 2007.
8. Mamaev I. S. L. Martov kak politik v otsenkakh sovremennikov i istorikov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 1996. № 6. S. 53–69.
9. Martov i ego blizkie. Sbornik. N'yu-Iork, 1959. 170 s.
10. Martov L. Razlozhenie gosudarstva ili ego zavoevanie? // Sotsialisticheskii vestnik. 1921. № 14/15.
11. Martov Yu. O. Izbrannoe. M., 2000. 672 s.
12. Novikov A. P. Eserovskie lidery i kronshtadtskii myatezh 1921 goda // Otechestvennaya istoriya. 2007. № 4. S. 57–64.
13. Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' XX veka. M.: ROSSPEN, 1997. 1698 s.
14. Savel'ev P. Yu. L. Martov v sovetskoi istoricheskoi literature // Otechestvennaya istoriya. 1993. № 1. S. 94–111.
15. Savel'ev P. Yu., Tyutyukin S. V. Yulii Osipovich Martov (1873–1923): chelovek i politik // Novaya i noveishaya istoriya. 1995. № 4. S. 133–157; № 5. S. 130–166.
16. Tov. P. B. Aksel'rod o bol'shevizme i bor'be s nim // Sotsialisticheskii vestnik. 1921. № 6. S. 3–7.
17. Tyutyukin S. V. Men'shevizm: stranitsy istorii. M.: ROSSPEN, 2002. 560 s.
18. Urilov I. Kh. Istoriya rossiiskoi sotsial-demokratii (men'shevizma). Ch. 2. Istoriofografiya. M.: Raritet, 2001. 350 s.
19. Urilov I. Kh. Yu. O. Martov. Istoriofgraficheskii ocherk. M.: Nauka, 1995. 83 s.
20. Urilov I. Kh. Yu. O. Martov: politik i istorik. M.: Nauka, 1997. 472 s.
21. Fedorenko A. A. Politicheskaya kontseptsiya V. M. Chernova. M.: Signal, 1999. 160 s.
22. Kheimson L. Men'shevizm i evolyutsiya rossiiskoi intelligentsii // Rossiya-XXI. 1995. № 3–4. S. 142–157.
23. Chernov V. M. Konstruktivnyi sotsializm. M.: ROSSPEN, 1997. 670 s.
24. Chernov V. L. Martov // Revolyutsionnaya Rossiya. 1923. Mai–iyun'. № 26–27. S. 2–3.
25. Chernov V. M. Protokoly Tsentral'nogo komiteta Partii sotsialistov-revolutsionerov s kommentariyami V. M. Chernova // Voprosy istorii. 2000. № 8. S. 4–5.
26. Yartsev V. Chernov, esery i bol'shevistskii rezhim: evolyutsiya neonarodnicheskikh otsenok // Svobodnaya mysl'. 1994. № 5. S. 82–98.